УДК 811.161.1 38

Д.А.Романов

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТУЛЬСКОГО ДИАЛЕКТНОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Морфология пограничных зон тульских говоров характеризуется большим количеством черт недифференциального типа, свойственных южнорусскому наречию в целом. Вместе с тем здесь присутствуют явления переселенческой интерференции (преимущественно в тульско-орловском пограничье), а также некоторые специфические языковые особенности. К числу последних относятся Р. п. имен существительных среднего рода с окончанием *-у(-ю),* корневые *т* и *д* в инфинитивах глаголов движения *итить — идить*, форма В. п. указательного местоимения женского рода *тае* в функции частицы. Ряд черт до настоящего времени противопоставляют южные и западные пограничные зоны тульских говоров.

***Ключевые слова**:* диалект, морфология, ареал, пограничье, имя, глагол, флексия

В морфологической системе пограничные районы Тульской области характеризуются многими чертами, свойственными центральной территории говора, а также южнорусским говорам в целом. Специфические черты носят фрагментарный, единичный характер и чаще всего могут быть расценены не столько как результат языкового контакта, характерного именно этой территории, сколько как следствие языковой интерференции местных жителей с переселенцами, что является результатом миграции населения в более широком пространстве, чем элементарное территориальное соседство. Рассмотрим зафиксированные и гипотетически возможные морфологические черты пограничных зон тульских говоров в показательных общих явлениях с обязательным выделением упомянутых выше специфических характеристик.

С точки зрения родовой характеристики имен существительных, всем пограничным зонам тульских говоров, как и большинству южнорусских говоров в целом, характерна утрата среднего рода и примыкание большинства подобных слов к женскому роду. Большим количеством примеров растворение среднего рода в женском представлено в южном, юго-западном и юго-восточном пограничье. В Ефремовском, Каменском, Куркинском и Чернском районах Тульской области отмечается употребление слов *гумно*, *дело*, *тавро*, *поместье*, *угодье* с окончаниями женского рода. Нередко переход из среднего в женский род сопровождается в сравнении с литературным вариантом дополнительной суффиксацией, при этом первоначальное слово почти выходит из употребления, заменяясь дериватом иного рода. Такие случаи распространены не только в пограничных, но и в центральных территориях тульских говоров. Например, слово *ведро* употребляется крайне редко, заменяясь слово *ведерка*, что зафиксировано не только в юго-западном Чернском, но и в центральных Тепло-Огаревском, Ясногорском, Ленинском и др. районах Тульской области.

Как известно, еще в первой четверти XX в. академик С.П.Обнорский констатировал факт разрушения в южнорусских говорах категории среднего рода, отмечая в качестве центральной зоны подобного процесса многие уезды Калужской, Орловской и Тульской губерний [1]. С.П.Обнорский обращал внимание прежде всего на проявление подобного разрушения в виде согласования существительного среднего рода с прилагательным в форме женского рода (вроде *новая пяро* или *парная молоко*). Современное состояние тульско-калужского и тульско-орловского пограничья не характеризуется обильным распространением подобных сочетаний (особенно в именительном падеже), а содержит лишь отдельные случаи видоизменения самого слова, приобретающего окончание женского рода (вроде *угодья*, *поместья*, *ожерелья* и т.д.). Кроме того, нельзя сказать, что только южные и западные окраины тульских говоров характеризуются подобными чертами. Они встречаются и на востоке, и на севере территории, как отражение общей тенденции южнорусского ареала.

Еще одной стороной диалектного процесса взаимопроникновения субстантивных родов является употребление слов 1-го склонения мужского рода в согласуемых словосочетаниях с прилагательными женского рода. Это относится к словам *владыка*, *слуга*, *глава*, *судья* (*новая владыка*, *верную слугу* и т.п.). С.И.Котков отмечал подобные явления в Белевском районе Тульской области, а также в тульско-елецком пограничье, т.е. на юге территории тульских говоров [2].

Как центральные, так и пограничные зоны тульских говоров характеризуются многочисленными случаями использования Р. п. слов мужского рода с окончанием *-у (-ю)*. Как специфическую черту необходимо отметить использование окончания *-у* в словах среднего рода, распространенную в западном пограничье тульских говоров (Суворовский район). В частности, случаи использования форм *из полю*, *из домишку*, *от делу* имеют хотя и незначительное, но показательное распространение на этой территории.

Соприкасающиеся на юге Елецкий район Липецкой области и Ефремовский район Тульской области сохраняют в языковом обиходе формы П. п. мужского рода с окончанием *-у*, вроде *на вереху*, *в стану*, *на дубку* и под. По наблюдениям С.И.Коткова, елецкие грамоты второй половины XVII в. в обилии содержат аналогичные примеры (*в ухожью*, *в остатку*, *на пчельнику*) [3].

В истории русского языка и исторической диалектологии особняком стоит вопрос о фиксации окончания *-у* в П. п. одушевленных слов мужского рода. Существуют прямо противоположные точки зрения на возможность подобного формообразования. Очевидно, южнорусская территория в этом отношении не была однородна. В частности, в воронежских и рязанских говорах, по данным В.И.Собинниковой [4] и

В.Н.Новопокровской [5], подобные флексии одушевленных существительных были распространены. В курско-орловской же зоне они почти не фиксировались. В настоящее время говорить о локализации случаев вроде *на казаку* или *при сыну* только в восточной пограничной с Рязанью зоне тульских говоров не представляется возможным, хотя, видимо, исторически так и должно было быть. Современные одушевленные существительные с П. п. на *-у* встречаются крайне редко и не имеют отчетливой локализации. Данная флексия у слов среднего рода также четко не локализована, но наиболее часто отмечается в Ефремовском районе (юг территории): *на гумну, на дворишку*. Что касается отмеченных С.И.Котковым форм П. п. имен собственных вроде *в Ельцу* с возможным вариантом *в Ельцы* [6], то сейчас такие формы в тульском пограничье не отмечаются.

Р. п. ед. ч. имен существительных женского рода твердого варианта 1-го склонения потенциально может содержать в пограничных зонах тульских говоров окончание *-е* или *-и*. При этом, по данным истории языка, окончание *-е* должно характеризовать западную изоглоссу, а окончание *-и* — южную. Реального подобного состояния зафиксировать не удалось. Окончание *-е* встречается единично и характеризует лишь отдельных носителей говора, окончание же *-и* (вроде *у мами*, *у Ирини*) зафиксировано в том числе и на западных территориях, т. е., помимо исконно обладающего этой чертой тульско-орловского пограничья, она проявляется и в западном контактном ареале — тульско-калужском. П. п. существительных женского рода 1-го склонения достаточно часто на всей территории тульских говоров характеризуется окончанием *-ы* после твердого согласного (*в избы*) и чрезвычайно редко окончанием *-и* после мягкого согласного (*в семьи*). В целом же размытость литературных форм универсально фиксируется только в основах на свистящий согласный (*на улицы*, *о птицы*, *при сестрицы* и под.), что обусловлено не столько морфологическими, сколько фонетическими причинами — характером 2-ой степени редукции <э> после отвердевшего [ц].

Потенциально юго-западное пограничье тульских говоров должно характеризоваться формой В. п. ед. ч. от существительных *мать* и *дочь* (древнего склонения на согласный), образуемой по типу *матеря*, *дочеря*. Однако в современных тульских говорах подобные формы не отмечены. Скорее всего, подобный вариант является диалектно-историческим, замененным в современных говорах на формы *матерю*, *дочерю*. Вероятно, прав С.И.Котков, писавший: «Видимо, в южновеликорусских говорах в XVII веке форм *матерь*, *дочерь* и *матерю*, *дочерю* не было. Появление их относится к более позднему времени: формы *матерю*, *дочерю* сменили не старые формы винительного единственного *матерь*, *дочерь*, в формы *матере*, *дочере*, проникшие в винительный из родительного падежа, которые в южновеликорусских условиях приобретали вид *матеря*, *дочеря*» [7].

Показательно, что формы *матеря*, *дочеря* в первой четверти XX в., по данным того же С.И.Коткова, были особенно распространены в Новосили, т. е. такие формы еще 100—80 лет назад были чертой тульско-орловского пограничья. В настоящее время всю зону тульских говоров, включая окраинные, характеризует только В. п. ед. ч. *матерю*, *дочерю*.

Если говорить о других словах бывшего склонения на согласный, то следует указать на возможную представленность формы *свекры* в тульско-рязанском пограничье, поскольку исторически рязанские говоры по употреблению этой лексемы резко отличались от говоров остальной южнорусской территории, где были представлены формы *свекровь*, а чаще *свекровья*. Так, 103-я карта Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы давала четкую локализацию формы *свекры* на рязанской территории. Однако тульско-рязанское пограничье (Кимовский, Куркинский и отчасти Новомосковский районы) в современной речи формы *свекры* не содержат. Универсально на территории тульских говоров, включая пограничные зоны, распространено диалектное общеюжнорусское *свекровья*.

Множественное число форм среднего рода в Белевском районе Тульской области и на юге территории (в Ефремовском и Каменском районах) точечно представлено окончаниями *-ы*: *гумны*, *яйцы*. О более конкретной локализации подобного явления говорить в настоящий момент не приходится.

Другие диалектные особенности именной морфологии пограничных зон тульских говоров сводятся к следующему.

1. Практически полное отсутствие собирательных форм числительных, несмотря на данные исторической диалектологии о возможном расширении собирательных лексем в тульско-орловском пограничье.

2. То же можно сказать о количественных сочетаниях с первым компонентом *сам-* (*сам-друг*, *сам-третий*, *сам-пят* и под.). В настоящее время такие формы не фиксируются.

3. Р. п. личных местоимений *у мене, у тебе* распространен широко по всей территории тульских говоров, включая пограничные.

4. Историческая форма В. п. указательного местоимения женского рода *тое* (в акающей огласовке *тае*) присутствует лишь как частица. Она фиксируется в отдельных населенных пунктах тульско-орловского пограничья. Характерное ее употребление в тульских говорах известно по речи Акима в драме Л.Н.Толстого «Власть тьмы».

Глагольная морфология тульского диалектного пограничья представлена такими чертами.

Во-первых, употреблением инфинитива на *-ть*, вместо исторически закономерной формы на *-ти*. Подобные инфинитивы (*несть*, *рость*, *везть*, *плесть* и т. д.) были в большом количестве зафиксированы в Суворовском районе, т.е. на тульско-калужском пограничье. Как справедливо замечал в свое время

С.П.Обнорский, подобные формы «чужды севернорусскому наречию, но составляют типическую черту южнорусских говоров и полосы среднерусского наречия, а в границах его — особенности Московщины» [8].

Отдельную черту составляет осложнение инфинитивных форм на *-ти* добавлением постфикса *-ть* (наиболее частотно в глаголе движения *итить*, *иттить*, *идить*). Эта узкая диалектная черта по-разному представлена в тульском пограничье. Так, южное, тульско-орловское пограничье (Чернский район), а также говор Белевского района содержат форму *итить* с глухим согласным в основе. Западное же, тульско-калужское пограничье представлено формой *идить* (Суворовский район). В д. Западное Суворовского района зафиксировано приставочное *придить*. П.Я.Черных считал, что форма *итить* является результатом внутрислоговой ассимиляции по глухости, т.е. является вторичной по отношению к *идить* [9]. С.И.Котков не соглашался с мнением П.Я.Черных и полагал, что обе формы возникли приблизительно одновременно [10]. Несмотря на разницу в понимании механизмов и времени возникновения различения звонкого и глухого согласного в корне глагола движения, территориальное разграничение глухости и звонкости в данном случае, по мнению всех авторитетных диалектологов прошлого века, четко противопоставляет западные и южные говоры южнорусских территорий, что и до сих пор сохраняется в пограничных зонах тульской группы.

Вся зона тульских говоров, включая пограничье, входит в ареал неприкрытости конечного слога форм 3-го лица ед. ч. русских глаголов. Чаще всего эта черта характеризует глаголы I спряжения. По данным Атласа русских народных говоров, все территории, расположенные к востоку от линии Суджа — Курск — Новосиль, характеризуются неприкрытостью конечного слога в 3-ем л. ед. ч. (вроде *несе*, *веде*, *любя*, *можа* и т. п.). Вся зона тульских говоров, включая пограничье, отражает отсутствие -ть в 3-ем лице ед. ч.

Причастие и деепричастие представлены в пограничных зонах нечасто. Из локальных черт имеет смысл отметить две. Первая — в области страдательных причастий прошедшего времени, когда от глагольных основ инфинитива образуются диалектные формы с суффиксом *-т-*, в то время как литературный язык отражает формы с суффиксом *-н- (-нн-)*. Например, *пойматый*, *отогнатый*. Такие формы встречаются локально на западе и юге тульского пограничья.

Второй чертой является использование деепричастий на *-миши* в соответствии с литературными (чаще древними) формами на *-вши*. Эта черта, свойственная многим южнорусским говорам, отражена в речи жителей как центральных, так и периферийных территорий Тульской области. Причем формы вроде *выпимши*, *дожимши*, *устамши* функционируют как в предложениях с глаголами, т. е. в роли добавочного действия (деепричастия), так и в предложениях без сказуемого — в функции глагола прошедшего времени.

В заключение следует отметить, что морфология тульского диалектного пограничья имеет гораздо больше общих южнорусских черт, чем локальных особенностей. Многие подобные особенности, потенциально возможные исходя из данных системной диалектологии и истории русского языка, в настоящее время утрачены и не фиксируются даже в единичном употреблении. Однако в отдельных случаях пограничье характеризуют уникальные языковые показатели в области морфологии (например, Р. п. имен существительных среднего рода с окончанием *-у(-ю)* или корневые *т* и *д* в инфинитивах глаголов движения *итить—идить*), что свидетельствует об исторически существовавшем разграничении морфологических характеристик многих идентичных по значению форм на различных территориях южнорусского наречия.

---

1. Обнорский С.П. Именное склонение в современном русском языке. Вып. 1. Единственное число. Сборник ОРЯиС АН СССР. Т. 100. М.-Л.: АН СССР, 1927. С. 1-324.
2. Котков С.И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии. М.: Наука, 1963. С. 147.
3. Котков С.И. Южновеликорусское наречие… С. 168.
4. Собинникова В.И. К вопросу о разграничении южновеликорусских говоров на территории Воронежской области // Филологический сборник. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1961. С. 72-96.
5. Новопокровская В.Н. О некоторых морфологических особенностях рязанских говоров XVII века (имя существительное) // Ученые записки Орловского госпединститута. Т. 13. Кафедра русского языка. Вып. 5. Орел: Изд-во Орловского госпединститута, 1958. С. 84-102.
6. Котков С.И. Южновеликорусское наречие… С. 174.
7. Котков С.И. Южновеликорусское наречие… С. 184.
8. Обнорский С.П. Именное склонение в современном русском языке… С. 306.
9. Черных П.Я. О формах итти, итить, идить // Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. Вып. 7. М.: Изд-во МГУ, 1948. С. 50-64.
10. Котков С.И. Южновеликорусское наречие… С. 208.

References

1. Obnorskiy S.P. Imennoe sklonenie v sovremennom russkom yazyke. Vyp. 1. Edinstvennoe chislo. Sbornik ORYaiS AN SSSR. T. 100. M.-L.: AN SSSR, 1927. S. 1-324.
2. Kotkov S.I. Yuzhnovelikorusskoe narechie v XVII stoletii. M.: Nauka, 1963. S. 147.
3. Kotkov S.I. Yuzhnovelikorusskoe narechie… S. 168.
4. Sobinnikova V.I. K voprosu o razgranichenii yuzhnovelikorusskikh govorov na territorii Voronezhskoy oblasti // Filologicheskiy sbornik. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo un-ta, 1961. S. 72-96.
5. Novopokrovskaya V.N. O nekotorykh morfologicheskikh osobennostyakh ryazanskikh govorov XVII veka (imya sushchestvitel'noe) // Uchenye zapiski Orlovskogo gospedinstituta. T. 13. Kafedra russkogo yazyka. Vyp. 5. Orel: Izd-vo Orlovskogo gospedinstituta, 1958. S. 84-102.
6. Kotkov S.I. Yuzhnovelikorusskoe narechie… S. 174.

7. Kotkov S.I. Yuzhnovelikorusskoe narechie… S. 184.
8. Obnorskiy S.P. Imennoe sklonenie v sovremennom russkom yazyke… S. 306.
9. Chernykh P.Ya. O formakh itti, itit', idit' // Doklady i soobshcheniya filologicheskogo fakul'teta MGU. Vyp. 7. M.: Izd-vo MGU, 1948. S. 50-64.
10. Kotkov S.I. Yuzhnovelikorusskoe narechie… S. 208.

Romanov D.A. The morphology of the border zones of the Tula dialects. The morphology of the border zones of the Tula dialects is characterized by a large number of features of the non-differential type typical of the South Russian dialect as a whole. At the same time, there are phenomena of resettlement interference (mainly in the Tula-Orel borderland), as well as some specific linguistic features. The latter include the nouns of nouns of the middle genus with the ending *-у (-ю)*, the root *т* and *д* in the infinitives of the verbs of the movement of the *итить — идить*, the form of the pointer of the demonstrative pronoun feminine *тае* in the function of the particle. A number of features up to the present time contrast the southern and western border zones of the Tula dialects.

***Keywords**:* dialect, morphology, area, borderland, name, verb, inflection.

Сведения об авторах. Д.А.Романов — доктор филологических наук, профессор, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого; руководитель Центра русского языка и региональных лингвистических исследований; kafrus@rambler.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.05.2017.